

Ради того, чтобы достойно встретить мастера Яна, даже Лу Ванбэй, находившийся в деловой поездке, поменял билеты на самолет и вернулся пораньше.

Покойная госпожа Лу и Ян Чунгуй были дружны семьями еще со времен отцов. Они вместе учились в художественной академии, почитали друг друга за названных брата и сестру и в студенческие годы были не разлей вода. Однако после безвременной кончины госпожи Му Цин пути их разошлись: Лу занялись гостиничным бизнесом, и связь между семьями оборвалась на долгие годы.

Лу Ванбэй, как заботливый старший брат, видел недюжинный талант Лу Юйнина к традиционной китайской живописи. Не желая, чтобы способности младшего угасли без мудрого руководства, а достойного учителя рядом не находилось, он приложил немало усилий и через бывшие связи покойного дедушки — старца Яня — сумел разыскать мастера Яна.

Ян Чунгуй, хоть и признанный мэтр, писал в утонченной, изящной манере, отдавая предпочтение цветам и птицам. Его единственный старший ученик, напротив, тяготел к экспрессивным, размашистым пейзажам в технике разбрызгивания туши и цвета. Не имея возможности передать тонкости своего стиля преемнику, мастер в последние годы все чаще задумывался о том, чтобы взять под крыло способного юношу. Лу Юйнин казался идеальным кандидатом: одарен, пишет в схожей манере, уже успел заявить о себе в кругах художников, да к тому же сын безвременно ушедшей названной сестры. Если мальчик действительно так талантлив, почему бы не связать их судьбы благой нитью наставничества?

Нынешняя поездка в Южный город для мастера Яна была прежде всего возможностью лично оценить характер и одаренность Лу Юйнина.

Черный седан мягко затормозил у свежестриженного газона Виллы клана Лу. В саду гостей уже поджидали Лу Ванбэй и Лу Юйнин. Выйдя из машины, Ян Чунгуй окинул братьев взглядом и, повернувшись к Лу Чжэнцину, с теплотой спросил:

— Слышал, вы наконец отыскали Юйяня? А где же он? Что-то я его не вижу.

Пусть они с Му Цин учились у разных мастеров, их связывала искренняя дружба. Ян Чунгуй прекрасно помнил, как навещал крошечного Юйяня сразу после рождения. Мальчик появился на свет недоношенным, из-за чего мать долгие годы изнывала от чувства вины и окружила первенца трепетной заботой.

— Юйянь дома? Почему он нас не встречает? — вновь любопытствовал мастер, заметив, что виновника столь радостного семейного события нигде не видно.

Взгляд Лу Юйнина слегка потускнел. Он прекрасно осознавал: какими бы ни были его собственные успехи, по-настоящему гениальным его назвать нельзя. Таких, как он, усердных ремесленников — пруд пруди, а настоящие таланты ушли далеко вперед. И то, что дядя Ян сегодня приехал сюда, во многом объяснялось лишь фамилией Лу и памятью о покойной матери.

Но ведь он не был родным сыном Му Цин. Он — лишь приемный ребенок, не имеющий на эту любовь никаких законных прав. И теперь, стоило зайти речи о Лу Юйане, настоящем наследнике, как положение Юйнина становилось двусмысленным и неловким.

Лу Юйнин, еще совсем юный школьник, не выдержал и бросил растерянный взгляд на отца. Лу Чжэнцин вовремя заметил замешательство приемного сына. Он подбодрил его мягким, едва заметным кивком, и этого мимолетного жеста оказалось достаточно, чтобы тревога Юйнина улетучилась.

«Пусть я и приемный, но любовь этой семьи принадлежит мне безраздельно, — подумал он. — Стоит ли изводить себя напрасными страхами? С самого детства ни отец, ни старший брат ни разу не дали мне усомниться в их чувствах».

Тем более он обязан оправдать их надежды. Он сделает все, чтобы понравиться мастеру Яну и стать его учеником.

Лу Ванбэй ласково взъерошил мягкие волосы Юйнина и небрежно бросил:

— Дядя Ван говорил, что Юйаню срочно понадобилось отлучиться. Наверное, договорился о встрече с одноклассниками.

Дворецкий дядя Ван заранее предупредил его об уходе Юйаня, так что Ванбэй знал, что ответить. И все же в душе старшего брата шевельнулось раздражение. Мастер Ян приехал как близкий друг их матери, и Юйань, помня о долге приличия, обязан был остаться дома и засвидетельствовать почтение, а не шляться где попало, забыв о приличиях.

Впрочем, ничего иного от Лу Юйаня ожидать не приходилось. Этот мальчишка всегда думал только о себе и плевать хотел на чувства окружающих.

— Ушел? — Лу Чжэнцин нахмурился. Когда он уезжал, Юйань был дома. Натворил столько дел, вместо того чтобы сидеть смирно и раскаиваться, опять как ни в чем не бывало сбежал развлекаться со своими сомнительными друзьями. — Я сейчас же велю ему вернуться.

— Не нужно, пусть молодой человек отдыхает, раз уж ушел, — мягко остановил его Ян Чунгуй и тут же полюбопытствовал: — А Юйань... он тоже рисует?

— Нет, Юйань к живописи таланта не выказывает, — поспешил объяснить Лу Чжэнцин. Он не стал упоминать, как в свое время Юйань, завидуя успехам Ниннина, тоже загорелся желанием взять в руки кисть, но забросил учебу через пару дней, не выдержав тяжелого труда. Подобные семейные дразги посторонним знать не следовало.

Ян Чунгуй со вздохом покачал головой:

— Надо же... Сын моей названной сестры — и не унаследовал ее таланта. Поистине, судьба играет людьми.

Покойная Му Цин обладала поразительным даром, особенно тонко она чувствовала цвет — даже их учитель, старец Янь, не раз восхищался ее интуицией. Увы, все это осталось в прошлом. Мастер мысленно вздохнул.

К облегчению Лу Юйнина, больше мастер Ян о его старшем брате не заговаривал.

Но радость была недолгой. Дядя Ян внимательно осмотрел его мастерскую, изучил развешанные по стенам работы, однако заветного предложения о наставничестве так и не сделал.

Напряжение росло, и даже улыбка на лице Лу Чжэнцина заметно угасла.

Лу Юйнин отчетливо понял: мастер остался равнодушен. Осознав, что редчайший шанс уплывает сквозь пальцы, юноша запаниковал. Он лихорадочно потянулся к письменному столу, желая показать свой лучший свиток с пейзажем в сине-зеленых тонах, но в спешке неловко задел рукавом стопку эскизов, и те веером разлетелись по полу.

Лу Юйнин поспешно нагнулся, чтобы собрать три небольших наброска прямоугольной формы.

— Постой-ка, — вдруг прервал его Ян Чунгуй. Мастер сам наклонился и поднял листы. — Ну-ка, дай взглянуть.

Юйнин растерянно замер. Всмотревшись в рисунки, он понял, что видит их впервые. Линии на дешевой рисовой бумаге казались хаотичными и неряшливыми, напоминая скорее детские каракули, нежели серьезные наброски. Это определенно были не его работы.

Да и сама бумага — грубая, дешевая бьяньчжи — разительно отличалась от первоклассной сюаньчжи, к которой он привык. Обычная мазня дилетанта, пробующего силы в рисовании.

Однако мастер Ян нахмурился и принялся внимательно изучать листы. Быстрым, уверенным движением он поменял их местами, сложил один на другой против света и восхищенно выдохнул:

— Чудесно! Поразительно! Какая прелесть!

У Лу Юйнина екнуло сердце. Сложенные вместе листы заиграли на солнце: разрозненные, бессмысленные штрихи вдруг слились в цельный пейзаж. Выполненный в лаконичном контурном стиле рисования тонкой техникой одинарного контура, он дышал покоем, простором и безмятежностью. Но самым удивительным было то, как наложение бумаги создавало иллюзию трехмерного объема — горы и реки обретали глубину, уводя взгляд вдаль.

Разложить единое полотно на три составные части — задача невероятной сложности. Художник должен не просто безупречно владеть линией, но и держать в голове всю композицию до мельчайшего штриха.

Но даже если забыть об искусной технике, сам рисунок казался живым, наполненным редкой, дышащей легкостью. Всего несколько взмахов кисти — и первозданная гармония природы оживала на бумаге, идеально сливаясь с необычной формой исполнения.

Неудивительно, что мастер Ян пришел в такой восторг. Но ведь это был не рисунок Юйнина! Горло юноши перехватило судорожной хваткой, а долгожданная похвала мастера вонзилась в уши ядовитыми иглами. Лицо Юйнина мгновенно вспыхнуло пунцовым румянцем, а в груди заклокотал липкий страх.

Чья это работа? Неужели в доме рисовал кто-то еще? Неужели... он? В голове Юйнина тут же зазвучал другой, спасительный голос, яростно отмечающий эту нелепую догадку: «Исключено! Откуда у этого невежды такие навыки? Он вырос в зловонных трущобах, где отродясь не видели приличных кистей. Он физически не мог этому научиться!»

Не успел он совладать с вихрем панических мыслей, как его прервал взволнованный голос мастера:

— Юйнин, мальчик мой, кто научил тебя этой технике?

Руки Яна Чунгуя заметно дрожали, он жаждал узнать правду.

Смысл этого метода состоял в том, чтобы разделить контуры одного пейзажа на три отдельных слоя. По отдельности эскизы казались бессмысленным нагромождением штрихов, но вместе давали ошеломительный эффект объема. Каждая линия должна была ложиться строго на свое место — на первый, второй или третий план.

Внешняя простота скрывала колоссальный труд: овладеть этой манерой без долгих лет упорных ежедневных тренировок было попросту невозможно.

Но важнее всего было другое — этот редчайший прием являлся тайным методом их собственной художественной школы, предназначенным для оттачивания техники одинарного контура в контурном стиле рисования.

Поездка мастера Яна в Южный город преследовала две цели. Первой была помощь его племяннику Мо Инъюэ с передачей в дар музею бесценного свитка «Снежный путь в холодных горах». Вторая же цель была куда более личной. Недавно его наставник, старец Янь, получил письмо от своего давно пропавшего без вести младшего брата по ордену — дяди-наставника Ли. Тот писал, что долгие годы безвыездно жил в Южном городе, где на склоне лет воспитал единственного преемника. Чувствуя приближение смерти, старик Ли умолял старшего брата разыскать сироту, забрать его под свое крыло и уберечь от мирских невзгод.

Старец Янь, прочитав эти строки, не смог сдержать слез. По трагическому стечению обстоятельств письмо шло к адресату долгих два года. Пожилой мастер, невзирая на свой почтенный восьмидесятилетний возраст, порывался лично отправиться на поиски, но ученики с трудом отговорили его. И тогда Ян Чунгуй твердо пообещал учителю: он перевернет весь город, но отыщет следы покойного дяди Ли и своего названного младшего брата.

И теперь перед ним лежал набросок, выполненный в этой редчайшей фамильной технике. Сердце мастера забилося сильнее. Неужели судьба так милостива, что привела его прямиком к искомому преемнику?

Ян Чунгуй вперил в растерянного Лу Юйнина горящий, требовательный взор.

Юноша застыл, судорожно соображая, что делать. Мастер явно принял его за автора рисунков. Присвоить чужой труд было бы подлостью, и Юйнин заставил себя сделать глубокий вдох, готовясь во всем признаться. Но стоило ему приоткрыть рот, как перед глазами всплыло восхищенное лицо дяди Яна. Слова застряли в горле.

«Что, если он разочаруется и уедет? Что, если он бросится искать настоящего автора и сделает своим учеником его?» — панический шепот в сознании сковал волю.

Это секундное колебание решило всё.

Лу Чжэнцин поспешил вмешаться, сияя от гордости за сына:

— Действительно, Ниннин, почему ты раньше не показывал мне подобные работы? — В глазах отца светилось безграничное обожание.

Лу Юйнин прикусил губу. Признаться теперь означало разрушить эту гордость, растоптать ожидания отца. Юноша опустил голову, пряча взгляд. Больше всего на свете он боялся, что любящий взор отца сменится тем холодным, пренебрежительным выражением, которым тот всегда одаривал непутевого Юйяня.

Оступившись раз, он покатился по наклонной. Склонив голову еще ниже, Лу Юйнин невнятно пробормотал:

— Пару лет назад... случайно научился.

Он умышленно говорил расплывчато, панически боясь выдать себя деталями.

Лу Чжэнцин тут же ухватился за эту подсказку:

— Тот самый старик, что занимался с тобой в парке?

Юйнин торопливо закивал, толком даже не расслышав слов отца.

— Верно, — подтвердил Лу Ванбэй, поворачиваясь к мастеру Яну. — Когда Ниннин только начинал рисовать, он встретил в парке пожилого художника. Тот отнесся к нему со всей душой, и брат каждый день бегал к нему на уроки. Но однажды старик просто не пришел. Ниннин потом долго тосковал, глядя на оставленные учителем наброски.

Ванбэй мягко улыбнулся младшему брату. Он помнил те дни: после смерти матери его самого накрыла тяжелая депрессия, и он часами пропадал на баскетбольной площадке в том парке. Маленький Ниннин ходил туда лишь ради того, чтобы ненавязчиво быть рядом и поддерживать его в горе.

Услышанное заставило Яна Чунгуя затаить дыхание. «Пожилой художник в парке Южного города...» — эта деталь идеально укладывалась в его догадки.

— Вы знаете, как звали того старца? — порывисто спросил он.

Юйнин лишь испуганно покачал головой, окончательно потерявшись от страха и стыда.

В глубине глаз мастера Яна промелькнула тень разочарования, но он вовремя одернул себя. Не стоило торопить события. В конце концов, хотя эта техника редка, в поднебесной могли найтись и другие мастера, владеющие ею. К тому же завтра в Южный город прибывает Мо Иньсюэ. У его племянника обширные связи и острый ум; как только они разберутся с передачей свитка «Снежный путь в холодных горах», то смогут направить все силы на поиски дяди Ли. Рано или поздно правда откроется.

Мастер стряхнул наваждение и заметил озадаченные взгляды домочадцев, не понимавших причин его внезапного волнения.

Чтобы сгладить неловкость, Ян Чунгуй аккуратно сложил листы бумаги и пояснил, жестикулируя:

— Посмотрите на размер этих набросков. Они в точности соответствуют панелям шестигранного дворцового фонаря, какие были в ходу при дворе в прежние династии. Тогда мастера расписывали три слоя тончайшего шелка. Когда внутри фонаря зажигали свечу, слои просвечивали один сквозь другой, создавая потрясающий объемный пейзаж — словно живые горы и реки парили в воздухе. В Столичном музее до сих пор хранится один такой уцелевший экземпляр.

Их собственный праучитель когда-то служил придворным живописцем, и этот секрет бережно передавался из поколения в поколение. Осознание того, что перед ним, возможно, стоит наследник этой великой традиции, смягчило сердце Яна Чунгуя. Он тепло посмотрел на притихшего юношу:

— Юйнин, ты ведь, должно быть, уже подготовил и сам каркас для фонаря?

Изначально манера Юйнина казалась мастеру излишне скованной, лишенной той искры, что он искал. Но этот набросок, пусть местами и шероховатый, буквально светился природной легкостью, а верность семейным традициям окончательно склонила чашу весов в его пользу.

— Штрих здесь прекрасен, но в работе с тушью тебе еще не хватает живости, — мягко произнес Ян Чунгуй. — Пока я гощу в Южном городе, приходи ко мне в любое время. Я помогу тебе отточить мастерство.

Первое испытание было пройдено. Мастер признал его способности, и теперь оставалось лишь убедиться в душевной чистоте и стойкости будущего ученика.

Лицо Лу Чжэнцина озарила счастливая, облегченная улыбка.

Лу Юйнин должен был ликовать, но в груди у него словно застрял тяжелый, холодный ком, от которого саднило все нутро. Мысли путались, сознание онемело. Лишь когда отец мягко подтолкнул его в плечо, он вымученно улыбнулся и хрипло выдавил:

— Спасибо... учитель.

Спасительный внутренний голос продолжал лихорадочно нашептывать: «Все хорошо. Мое ученичество связано не только с этими набросками. Дядя Ян оценил меня самого».

«Да, именно так! Я признанный молодой талант, среди сверстников мне нет равных во всей стране. Эти листы — лишь глупая случайность, они ничего не значат».

Но когда они выходили из мастерской, Юйнин не выдержал. На повороте коридора он замер и затравленно оглянулся на дверь комнаты на втором этаже, которая прежде принадлежала ему. В его разуме, вопреки всем доводам рассудка, вновь и вновь вспыхивала одна и та же пугающая, невозможная мысль:

«Неужели... это действительно он?»

<http://bllate.org/book/19801/1987022>